Старостина дочка Матрена

В одном преогромном селе проживал староста Данила, у котор<ого> была дочка да жонка. Дочь была здорова и красива. Рядом жила бедная вдова Марья, у котор<ой> был сын Иван. Он ходил на летние заработки, денёг не приносил.

Одну весну просится:

— Мамаша, пусти меня в бурлаки.

Мать не пускала, а он взял и ушел. Осенью является домой. Принес для себя чистую одёжу и <тридцать> коп<еек> денег. Мать и спрашивает:

— Ванюша, принес ли денег на хлеб?

— Хватит, мамаша, сходи к старосте за меркой.

Стар<уха> не хотела было идти, но сын заставляе. Вот приходит к старосте и спрашивает мерки.

— На что тебе мерка?

— А Ване деньги мерять.

Староста и подумал: «Верно, много денёг принес Иван».

Марья принесла мерку домой, Ив<ан> пошел в подполье, наклал полну мерку стекла, переливал из полной мерки да назад. Старостина дочка Матрёна это подслухала и вызвала мать. Ив<ан> в последний раз тряхнул стекла в подполье е́легой, потом взял да два пятиалтынных всунул в обручок мерки, а матери наказал:

— Отнеси мерку, а когда будешь переходить через порог, мерку срони с рук.

Пятиалт<ынные> скатились по полу. Старик гов<орит>:

— Убери деньги обратно.

Бедная Марья велела взять на гостинцы дочки Матрёны:

— У моего Вани денег куры не клюют.

В тот же вечер пришел Ив<ан> на по́седку и спросил Матрёну:

— Пойдешь ли за меня взамуж?

Матр<ёна> отказала до след<ующего> дня.

В след<ующий> вечер наказала Ивану присылать сватов. Назначили через неделю свадьбу. Ив<ан> у этого старика просит <сто> рублей денег взаймы.

— У меня деньги отнесены в банк.

Стар<ик> дал Ив<ану> <сто> р<ублей>. Ив<ан> купил в городе кое-что для свадьбы. Но денёг все же ещо было мало. Второй раз просил на покупку лошади. Стар<ик> дал <двести> р<ублей>.

Провели честь честью свадьбу и живут-поживают. Проходит время <две> недели. Матр<ёна> и гов<орит> Ив<ану>:

— Скоро папа запросит деньги.

Ив<ан> гов<орит>:

— Признаться, что совсем нет.

Баба была, — ей не захотелось осрамить отца — уйти от Ивана, — стала думать: «Как бы нажить отцу <триста> р<ублей>? Вот — думает, — пойду на исповедь, причащусь, не внушит ли Бог, как добыть денёг».

Одевшись, пошла в церковь на исповедь. Стала впереди всех. Поп стал махать кадилом и глядеть на Матрёну часто-пречасто. Так жо и дьякон, так жо и псаломщик. Стала у попа исповедь вот вся, дошла очередь Матрёны вси грехи. И ше́потом стал проситься к ей к ночи. Матр<ёна> согласилась за <сто> р<ублей>.

— В какое время?

— В <десять> ч<асов> ночи.

— Ладно.

Поп согласился. Дьякон стоял в углу и это услышал. Когда М<атрёна> из церквы вышла, дьякон догнал ее на крыльце:

— Нельзя ли с вами познакомиться?

— Можно. Только <сто> р<ублей>, приходи к <двенадцати> ч<асам>.

Дьяк<он> бегом в церкву. Псалом<щик>, не будь дурак, передал пение товарищам и сам с церквы долой. Нагнав Матр<ёну>, тоже просится к ночи. Матрёна ему обьяснила:

— Приходи в <два> ч<аса>, приноси <пятьдесят> р<ублей>.

Пришла домой и сказала все Ивану. Они и сговорились:

— Как придут, я спущу в квартиру, в тое время ты будь на улицы, поставь к окну лестницу и смотри: когда буду раздеваться, беги к воротам и стучи.

Ив<ан> приготовил большой ларь в подполье и насыпал туды сажи. Приходит вечер, поп накупил гостинцу целой платок, взял бутылку вина и <сто> р<ублей> деньги. Приходя к крыльцу, стал стучаться. М<атрёна> выбегае и спрашив<ает>:

— Кто ты?

— Поп.

М<атрёна> запустила в избу. Поп отдал <сто> р<ублей>, с радости стал скидоваться, стал М<атрёну> тащить в другую комнату. Матр<ёна> стала наливать самовар.

— Батюшко, хоть попьем чайку.

Ив<ан> увидел, что поп раздевается, прибежал к воротам и стучится. Поп услыхал, а М<атрёна> выбежала. Прибежала и велела прятаться попу.

— Батюшко, прячься в подполье.

Поп залез и попал в ларь. Ив<ан> распечатал [бутылку], почти залпом выпил всю и выбежал на улицу. Приходит дьякон в <двенадцать> ч<асов>, стучит в дверь. Мат<рёна> ответила, получила с него <сто> р<ублей>. Дьякон стал раздеваться, Ив<ан> увидел и во всю глотку заорал:

— Ей, отворяй, такая мать! Кто у тебя такие гости?

Дьякон сполóхался. М<атрёна> гов<орит> ему:

— Лезь в подполье.

Дьяк<он> полез и попал в ларь. Нащупал руками попа и спрашивает:

— Кто тут?

— Я поп. А ты кто?

— Дьякон.

Прошло <два> часа, залетает псаломщик. Таким жо манером и он попал в ларь. Спрашивает:

— Вы кто?

— Поп и дьякон.

— А я псаломщик.

В ларе сидит все церковное духовенство. Опьяневший Иван зашумел в избы, ругается:

— Чии платья?

Она ему гов<орит>:

— У меня в гостях поп да дьякон и псаломщик.

— Ах вы, черти долговолосые! Я вас завтра в город повезу. На мимопутье есть река, с моста в ларе спущу в реку.

В ларе испугались. Ив<ан> протвере́зился, позвал соседа с лошадью, ларь свалил в телегу и повез в город. Приехал И<ван> в город и закричал во всю глотку:

— Не желаете ли посмотреть живых чертей? Цена от <пяти> до <двадцати пяти> р<ублей>.

Народу накопилось много. И<ван> денег насобирал, больше <трехсот> р<ублей>. Взял кожаную плётку, откр<ыл> ларь и выпустил попа. Поп вышел, он ему плёткой — раз! Поп убежал неизвестно куды. Так же выпустил дьякона и псаломщика. Ив<ан> возвратился домой, получивши больше <пятисот пятидесяти> р<ублей>. Отдал деньги тестю, а на остальные стал жить-поживать, добра наживать.

(Зап. 28 июня 1928 г. от С. П. Кошкина, 30 л., на Шокшозере Лодейнопольского округа Олонецкой губ.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.